

Critique of Eurocentrism: The Sinological Position of S. M. Georgievsky

Критика евроцентризма: синологическая позиция С. М. Георгиевского

Ло Сюэсинь

*Институт Северо-восточных азиатских
исследований Цилиньского университета
luoxuexin739@gmail.com*

Luo Xuexin

*Institute of Northeast Asian Studies,
Jilin University
luoxuexin739@gmail.com*

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-112-122](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-112-122)

АННОТАЦИЯ

Статья рассматривает научную позицию русского синоведа С.М. Георгиевского, который во второй половине XIX века выступил против господствующего западоцентризма в синологии. В своих трудах и полемике с современниками он опровергал стереотип о «застое» Китая, высоко оценивал конфуцианство как источник духовного и социального развития и положительно воспринимал модернизационные реформы позднечинской эпохи. С. М. Георгиевский подчеркивал самостоятельность и прогрессивный потенциал китайской цивилизации, предвидя её возрастающую роль в мировой истории. Его исследования сохраняют значимость и сегодня, способствуя переосмыслению цивилизационного диалога Востока и Запада.

ABSTRACT

The article examines the scholarly position of the Russian sinologist S. M. Georgievsky, who in the second half of the 19th century opposed the prevailing Eurocentrism in sinology. In his works and polemics with contemporaries, he refuted the stereotype of China's "stagnation," highly valued Confucianism as a source of spiritual and social development and positively assessed the modernization reforms of the late Qing era. S. M. Georgievsky emphasized the independence and progressive potential of Chinese civilization, foreseeing its growing role in world history. His research remains significant today, contributing to a rethinking of the civilizational dialogue between East and West.

Keywords: S. M. Georgievsky; Eurocentrism; Confucianism; modernization of China; progress.

Ключевые слова: С. М. Георгиевский; западоцентризм; конфуцианство; модернизация Китая; прогресс

Для цитирования: Ло Сюесинь. Критика евроцентризма: синологическая позиция С. М. Георгиевского. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 112–122 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-112-122>

For citation: Luo Xuexin. Critique of Eurocentrism: The Sinological Position of S. M. Georgievsky. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№4). P.112-122 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-112-122>

Введение

Сергей Михайлович Георгиевский (1851–1893), ученик выдающегося синоведа В. П. Васильева, принадлежал к числу представителей академического китаеведения второй половины XIX века. Его называли «первым подлинным русским историком Китая». [Никифоров, 1970: 15] С. М. Георгиевский одним из первых отказался от евроцентристских схем и предпринял попытку комплексного осмысления различий в развитии восточной и западной цивилизаций.

I. Преодоление «западоцентризма»

По мнению С. М. Георгиевского, заблуждения Запада в отношении Китая во многом объяснялись отсутствием профессиональных синоведа и специализированной литературы. Западные учёные мало занимались Китаем, причём их исследования носили поверхностный характер: «Многие из них вовсе не задумывались серьёзно о вопросах прогресса Китая и его будущего... они лишь использовали отдельные материалы из жизни китайского народа, чтобы обогатить европейскую литературу.» [Георгиевский, 1890: 265] Учёный также отмечал:

«В последние десятилетия наше изучение Китая было крайне недостаточным, так как специализированных синологических книг — как оригинальных исследований, так и переводов — чрезвычайно мало... читатели не могут получить надёжные сведения о Китае из английских или русских изданий». [Георгиевский, 1890: 265–266] Поэтому западные читатели зачастую сохраняют устаревшие представления о Китае и «верят тем газетам и журналам, которые в преувеличенной форме изображают Китай как варварскую, уродливую и застойную страну». [Георгиевский, 1890: 269]

С. М. Георгиевский подверг критике исследования западных учёных по китайской истории и выделил три основных проблемы. Во-первых, по его мнению, вследствие субъективного чувства превосходства «западные историки и синологи изначально сомневались в прогрессе Китая», что приводило к утрате интереса к его изучению. Во-вторых, «они ограничивались официальными хрониками и были ими ослеплены, не учитывая их специфику и возможность искажений». Китайские источники чрезвычайно разнообразны, однако западные

исследователи сосредоточивались преимущественно на официальной истории, что и объясняет их односторонние выводы. В-третьих, С. М. Георгиевский отмечал, что историки и синологи не уделяли внимания знаниям, связанным с жизнью народа, не классифицировали и не сопоставляли материалы в зависимости от их значимости, а вместо этого увлекались составлением биографий для императорских особ и вельмож, «придавая большое значение совершенно несущественным фактам и персонажам». [Георгиевский, 1890: 196]

Критика С. М. Георгиевского западного китаеведения представляется вполне обоснованной. В то время почти не было профессиональных синологов, занимающихся систематическим изучением Китая, а рукописи большинства специалистов оставались без финансирования и публикации. Долговременное пренебрежение Китаем и субъективные домыслы привели к формированию искажённых представлений о нём. В то же время обращение ранних синологов к официальным хроникам имеет объяснение: на протяжении длительного времени западные учёные были очарованы такими источниками, как «цзичжу» (起居注) или «Цзычжи тунцзянь ганму» (资治通鉴纲目), не замечая, что народные летописи и «дикая история» могли бы дополнить и скорректировать официальные версии. Как справедливо замечал Дин Вэйлян (丁韪良, W. A. P. Martin), после падения династий эти сочинения «вспыхивали, как рой светлячков, и своим светом озаряли эпоху» [Martin, 1901: 392–393].

В отличие от своих европейских современников

С. М. Георгиевский рассматривал китайский народ как равный другим европейским народам и утверждал, что он также является «историческим» народом, находящимся в процессе прогресса. В своих исследованиях он отказался от микроскопического описания отдельных событий и выбрал макроподход, основанный на анализе китайских хроник. [Березанская, 2007], По его мнению, именно целостное восприятие китайской истории является основой для понимания её места и роли в мировой истории.

Даже самые строгие западные критики не могли отрицать того, что китайская цивилизация с древности достигла высокой степени развития, благодаря чему «рано освободилась от варварства или полуварварства». С. М. Георгиевский объяснял происхождение западной концепции «китайского застоя». Он указывал, что изменения в Китае казались медленными, а подчас и вовсе незаметными потому, что «в процессе своего развития Китай не переживал тех кризисов, которые сопутствовали прогрессу Европы, и именно поэтому его эволюция казалась менее заметной». [Георгиевский, 1890: 49] В своих сочинениях он тщательно анализировал культурные и социальные институты Китая, выявляя многочисленные примеры эволюции и нововведений. Учёный полагал, что в таких сферах, как государственное управление и система отбора кадров, китайцы достигли значительных успехов, что отражало реальные потребности социального прогресса.

Особое место в исследованиях С. М. Георгиевского занимает конфуцианство. Он писал:

«Будучи многочисленным народом, китайцы обладают огромной жизненной силой, а как обширная и древняя империя Китай отличается неколебимой стабильностью. Конфуцианство, выступая господствующей идеологией, сыграло в этом решающую роль и оказало на жизнь человечества более значительное влияние, чем буддизм и даосизм». [Георгиевский, 1888: 433]

Конфуцианство как ядро духовной культуры Китая на протяжении веков подвергалось постоянной самотрансформации. Его философская система базируется на учении Конфуция, но эволюционировала благодаря Мэн-цзы (孟子), Сюнь-цзы (荀子), Дун Чжуншу (董仲舒), Чжан Цзаю (张载), Чжу Си (朱熹), Ван Янмину (王阳明) и другим мыслителям. «Его содержание и формы находились в процессе непрерывного изменения, и в разные эпохи между школами возникали противоречия». [Георгиевский, 1890: 250–251] С. М. Георгиевский отмечал, что конфуцианство развивалось именно в противоречиях, но никогда не пребывало в застое, сохраняя прогрессивную тенденцию и обогащая свои принципы в зависимости от исторического контекста: «Вопросы истории, культуры и религии постепенно освобождались от метафизики и мистицизма, уступая место позитивизму; нравственные нормы совершенствовались и становились регулятором человеческой жизни — именно эта историческая составляющая конфуцианства является показателем его прогрессивности, и данный процесс ещё не завершён». [Георгиевский, 1890: 254]

Учёный подчёркивал значение конфуцианской системы для развития китайского народа: «Китай прогрессирует. Учёные-конфуцианцы во многих отношениях восстанавливают и заново толкуют ряд древних наставлений. Эти наставления на протяжении тысячелетий направляли жизнь китайцев и в значительной мере воплощены в современном быте и стремлениях народа». [Георгиевский, 1890: 187] Конфуцианский идеал, восходящий к древней традиции, постепенно закреплялся в различных сферах жизни и становился практической целью общества. В отличие от Европы, где господствовали постоянные колебания и кризисы, относительная устойчивость китайской жизни объяснялась именно тем, что конфуцианские идеалы непрерывно трансформировались в социальную реальность.

По мнению С. М. Георгиевского, конфуцианство являлось источником всего китайского уклада. Благодаря этой идеологии огромная империя сумела сохранить стабильность и процветание даже в условиях вовлечения в мировые процессы модернизации. [Георгиевский, 1888: 432] В труде «Важность изучения Китая» он подробно проанализировал роль конфуцианства в развитии общества в моральной, политической, правовой и экономической сферах, считая его «движущей силой китайского прогресса во всех отношениях». Впрочем, некоторые его оценки были идеализированы: так, поддержанная им система местного самоуправления не обеспечивала подлинной демократии, а также оставались вне поля зрения социальные ограничения конфуцианской этики, прежде всего дискриминация женщин.

II. Две полемики

В 1888 году С. М. Георгиевский опубликовал труд «Принципы жизни Китая», вызвавший широкий отклик среди русских читателей. В ответ на критику графа И. Толстого он на следующий год издал небольшую книгу «Граф И. Толстой и <Принципы жизни Китая>» (1889). Граф И. Толстой, известный политический деятель, археолог и нумизмат, придерживался явно выраженных евроцентристских взглядов. В печати он обвинял С. М. Георгиевского в чрезмерной симпатии к китайцам, утверждая, что тот «видит лишь положительные стороны жизни китайцев» [Скачков, 1977: 233]. Между ними развернулась ожесточённая полемика вокруг конфуцианства.

Граф И. Толстой считал, что главным жизненным принципом китайцев с древности являлось только «почитание родителей», а ядро всей китайской этики — это культ сыновней почтительности. При этом, по его мнению, конфуцианство придало этому принципу «утилитарный оттенок»: китайская «сяо» (孝) означала «многочисленные формальности, искусственные ритуалы и взгляд на все вещи исключительно с точки зрения пользы» [Георгиевский, 1889: 25].

С. М. Георгиевский не соглашался с такой интерпретацией. Он полагал, что И. Толстой искажил содержание конфуцианской «сяо». Для конфуцианства сыновняя почтительность — это «необходимый путь к овладению искусством человеческих отношений» [Георгиевский, 1888: 341]. Учёный отмечал, что лишь научившись правильно строить отношения

с родителями, человек способен регулировать связи с другими людьми: «Даже если родители ничего не требуют от детей, последние должны уважать своих родителей. С одной стороны, дети находят в этом удовлетворение, а с другой — возвышают собственный характер, что усиливает их способность к межличностным отношениям» [Георгиевский, 1888: 347–349]. По мнению С. М. Георгиевского, добрые отношения между людьми в Китае являлись необходимым условием единства и сплочённости государства. Что же касается тезиса Толстого о том, что конфуцианство породило у китайцев утилитарный и эгоистичный характер, С. М. Георгиевский, ссылаясь на русского философа Н. И. Кареева, возразил: «Стремление к прогрессу не должно ограничивать естественные потребности человека; человек — это не бесплотная душа... Полное самоотречение противоречит нравственным принципам: тот, кто не ценит себя, не осознаёт значение других, а тот, кто не защищает свои права, не способен защищать права других» [Георгиевский, 1889: 28–29]. Таким образом, С. М. Георгиевский полагал, что конфуцианство дало китайцам не эгоизм, а прагматический дух, ставший основой их выживания, развития и устойчивого прогресса.

Граф И. Толстой рассматривал конфуцианство как препятствие для развития китайского общества, утверждая, что оно воспитало у китайцев «слепую почтительность» и «утилитаризм», что якобы обусловило отставание Китая от Запада. С. М. Георгиевский же занимал противоположную позицию: для него конфуцианство было символом прогресса, а принцип «сяо» — основой гармоничных человеческих

отношений. Конфуцианство учило китайцев практичности, что позволяло им двигаться вперёд. В условиях XIX века взгляды графа И. Толстого, без сомнения, больше соответствовали устойчивым представлениям русской публики о Китае. С. М. Георгиевский же стремился преодолеть эти стереотипы и побудить современников «по-новому взглянуть на долгое время неправильно истолковывавшуюся Китайскую империю».

Вторым оппонентом С. М. Георгиевского стал Н. М. Пржевальский — русский путешественник, географ и натуралист, который в ходе четырёх экспедиций в Центральную Азию собрал обширные сведения об экологии, гидрографии, географии, этнографии, политике и военном деле Китая. Н. М. Пржевальский был типичным представителем евроцентризма и заявлял: «Только европейские пушки могут здесь чего-либо добиться» [Дубровин, 1890: 109].

С. М. Георгиевский резко критиковал такие взгляды, отмечая, что Н. М. Пржевальский испытывал глубокую враждебность и недоверие к Китаю и не понимал основ современной китайской жизни. В отличие от него С. М. Георгиевский позитивно оценивал китайские реформы модернизации и подчеркивал, что Китай быстро учится у Запада и непрерывно развивается: «В Китае между городами уже действует телеграф, установлено электрическое освещение. Созданы фабрики, построены железные дороги, спущены на воду пароходы (построенные и управляемые самими китайцами) ... открыты школы европейского типа, где молодёжь изучает позитивные науки (военное

дело, мореплавание, медицину и др.) ... множество студентов отправляется за границу для освоения западного позитивизма» [Георгиевский, 1890: 256]. Китай всё активнее знакомился с западными военными и техническими достижениями: «Поражения в войнах с Англией и Францией показали китайцам значение броненосцев, пушек, дальнобойных ружей и крепостей... Ещё около тридцати лет назад китайцы начали вооружаться по-европейски для самозащиты. Двадцать лет назад они осознали необходимость и возможность противостоять европейскому натиску в сфере промышленности и торговли и начали строить торговые суда» [Георгиевский, 1890: 257–258]. Исходя из этого С. М. Георгиевский считал, что Китай эпохи поздней Цин пробуждается и учится у Запада собственным путём, чтобы в скором будущем догнать, а возможно, и превзойти его. «Тунчжи и Гуансуйская реставрация» (同光中兴) действительно принесла надежды многим современникам, и, вероятно, именно это позволило С. М. Георгиевскому выработать оптимистический взгляд на будущее Китая.

Синолог А. Н. Хохлов позднее подытожил причину разногласий между двумя оппонентами: «Путешественник в Центральной Азии наблюдал старую армию, почти не затронутую реформами, тогда как синолог имел возможность видеть в центральных районах Китая модернизированные воинские части. Первый говорил как профессиональный военный, второй — как молодой и восторженный учёный-синолог... К сожалению, они не поняли, что различие их оценок объяснялось разными позициями».

[Хохлов, 1994:289] Представляется, что оптимизм С. М. Георгиевского в отношении китайских военных реформ вполне объясним. В период движения за самоусиление (洋务运动) такие деятели, как Ли Хунчжан (李鸿章), под лозунгами «самоусиления» и «обогащения страны», создавали новые предприятия, открывали учебные заведения, отправляли студентов за границу, прокладывали телеграфные линии и строили железные дороги, преследуя цель укрепления феодальной власти. Эти меры имели определённый эффект. Некоторые исследователи, ссылаясь на поражение Китая в войне с Японией (1894–1895), пытались дискредитировать взгляды С. М. Георгиевского, но подобный ретроспективный подход кажется чрезмерно строгим. Вместе с тем следует признать, что в отличие от В. П. Васильева, который прямо указывал, что причиной китайского отставания являлись «корруптированное и неспособное правительство Цин и политика изоляционизма» [Васильев, 1900: 4], С. М. Георгиевский не имел столь ясного понимания ограничений и слабостей современного ему Китая.

III. Концепция «прогресса Китая»

С. М. Георгиевский объективно выделил два признака «прогресса Китая» и вместе с тем не обошёл вниманием возможные вызовы, которые прогрессирующий Китай мог бы поставить перед Западом и Россией. Его концепция «китайского прогресса» не скатывалась, как утверждали некоторые позднейшие исследователи, в другую крайность — «китаецентризм». [Васильев, 1974: 17]

Первым признаком прогресса Китая С. М. Георгиевский считал его постоянную независи-

мость. В истории Поднебесной неоднократно происходили вторжения кочевых народов в Центральную равнину, однако культурная традиция не прерывалась: «варвары, войдя в Китай, сами становились китайцами», и «эти племена, осевшие в Китае, постепенно подвергались китаизации, в то время как их привилегии и неравноправное положение в юридическом смысле постепенно исчезали». [Георгиевский, 1890: 248] Поэтому, заключал он, «мечты о том, что Китай будет находиться под властью Японии или Соединённых Штатов, представляют собой нереалистическую фантазию». [Георгиевский, 1890: 258–259] Западные державы неоднократно вторгались в Китай, но не смогли его завоевать. С. М. Георгиевский даже выдвигал гипотезу: «Из-за существования конфуцианства, чтобы покорить Китай, западным державам пришлось бы либо принять конфуцианское преобразование, либо полностью уничтожить влияние конфуцианства на четыреста миллионов китайцев». [Георгиевский, 1890: 259] Очевидно, что это невозможно.

Второй признак китайского прогресса он видел в его всемирном значении. С. М. Георгиевский полагал, что Китай способен, подобно Западу, постепенно включиться в процесс модернизации и трансформироваться в успешное современное государство. Он особо подчеркивал восприимчивость китайцев к западным достижениям: «Китайский народ не преуменьшает и не преувеличивает преимущества западной культуры (науки, техники и институциональной цивилизации Европы и Америки). Китайцы стремятся усвоить их, поскольку они во всех отношениях делают жизнь более удобной

и позволяют в полной мере использовать местные природные ресурсы». [Георгиевский, 1888: 472]. Однако, отмечал он, агрессивная политика западных держав тормозила этот процесс: «Недоверие китайцев к европейцам задерживало распространение позитивизма в Китае. Прежде чем пригласить европейских учителей, китайцы должны быть уверены в защите от вторжений и эксплуатации европейских держав». [Георгиевский, 1890: 258] С ростом международной торговли и колониальной экспансии связи между странами и народами становились всё теснее. Как самое многочисленное государство мира, Китай постепенно приобретал международное значение, выходил за пределы роли простого рынка сбыта и начинал претендовать на участие в мировых делах.

С. М. Георгиевский указывал: «Китайцы, воспитанные в духе конфуцианства, способны быстро усвоить позитивизм, не изменяя при этом своей национальности, идентичности и образа жизни». [Георгиевский, 1890: 257] Мир XIX века, втягивавшийся в процессы глобализации, также нуждался в участии Китая. Учёный решительно отвергал популярную в то время концепцию «китайской военной угрозы». «Китайцы не любят войну. Они устали от войн, они пережили в своей долгой истории бесчисленные войны и страдания и потому высоко ценят процветание мирного времени; китайцы способны иметь хорошую армию... что видно из недавних публикаций военных обозревателей в различных журналах». [Георгиевский, 1890: 259]. Военный потенциал Китая был тогда весьма значительным. Возникает вопрос: угрожает ли рост могущества Китая миру? С. М. Ге-

оргиевский отвечал: «У нас есть основания полагать, что Китай постепенно станет сильнее, но нет ни малейшего повода опасаться, что, обретя силу, он начнёт истреблять народы мира. Китайцы любят мир, они не будут ради эгоизма причинять зло другим и не будут завидовать успехам других народов». [Георгиевский, 1890: 260]

Однако при этом С. М. Георгиевский писал с предельной объективностью: «Истинная сила Китая заключается в его огромной территории, жизненной энергии и трудолюбии народа. Под влиянием конфуцианства подавляющее большинство китайцев способно овладеть позитивизмом... Китайцы стремятся развивать богатства страны и сохраняют неизменное рвение к труду». [Георгиевский, 1890: 261] Конфуцианский прагматизм, утверждал он, поможет Китаю осознать преимущества западной науки и техники и активно их освоить. «Мы должны быть настороже: если китайцы введут паровую машину и другие европейские изобретения, их дешёвые товары зальют рынки Европы и Америки». [Георгиевский, 1890: 261] Таким образом, Китай сможет своими силами бросить вызов западной торговле и промышленности, что особенно ощутят страны с развитой индустрией.

С. М. Георгиевский также сделал пророческое предсказание: «Франция, Германия, Испания, Италия, Англия и Япония слишком малы по территории, чтобы вместить стоимиллионное население. В колониях англичане, немцы и французы неизбежно изменят свои национальные черты и, оторвавшись от метрополий, постепенно выйдут из мировой истории. Лишь Россия, Китай и Америка обладают достаточно обширными землями. Здесь население может

превысить миллиард. Следовательно, в недалёком будущем политическая жизнь человечества будет почти полностью зависеть от дружбы или вражды между Россией, Китаем и Америкой... В XXI веке союз или разделение России, Китая и США будет определяющим фактором внешней политики всех остальных стран». [Георгиевский, 1890: 263] Оценки С. М. Георгиевского относительно «китайской угрозы» и его предвидение «триады Россия–Китай–США» выглядели поистине опережающими своё время. Исходя из демографического и экономического потенциала, он заключал, что будущее мира будет определяться именно этими тремя державами. Несмотря на идеализацию и определённые слабые места его аргументации, а также на то, что его положительная оценка самодержавных режимов России и Китая не выдержала испытания временем, вклад С. М. Георгиевского в постановку проблемы был огромен. Как писал его коллега по Восточному факультету Петербургского университета А. О. Ивановский в некрологе, С. М. Георгиевский пытался «поколебать укоренившееся мнение о Китае как о древнем застойном государстве, пробудить интерес читателей к этой стране и её народу, взглянуть по-новому на этот восточный народ с богатой историей и огромным населением и через эти узы призвать Россию к добрососедству с Китаем, поскольку это обеспечит мир во всём мире и принесёт благополучие народам обеих стран» [Хохлов, 1994: 289].

Заключение

Как профессиональный русский синолог, С. М. Георгиевский сумел отбросить предвзятость и с относительно рациональной и научной позиции рассматривать историю и культуру Китая, что представляется весьма ценным. Разумеется, в его книгах содержится немало ошибок, а отдельные взгляды неизбежно несут на себе отпечаток исторической ограниченности, однако именно его исследовательский метод и подход получили развитие в последующие эпохи. [Никифоров, 1970: 18] С опорой на китайские тексты и с установкой на уважение и равноправие, российское китаеведение во второй половине XIX века постепенно сформировало особый путь исследований, отличающийся от западной традиции.

Список литературы

1. Martin, W. A. P. The lore of Cathay, Edinburgh London: Oliphant, Anderson & Ferrier, 1901. – 472 p.
2. Березанская Л. В. Особенности развития китайской цивилизации в исторической концепции С.М. Георгиевского. // Вестник Томского государственного университета. 2007(1), с. 144–146.
3. Васильев Л. С. Корифей русского китаеведения. // История и культура Китая (Сборник памяти академика В. П. Васильева). М.: Наука, 1974. с.7–19.
4. Васильев В. П. Окрытие Китая и др. ст. Академика В. П. Васильева. СПб.: журн. "Вестник всемирной истории", 1900. – 164 с.

5. Георгиевский С. М. Принципы жизни Китая. СПб.: А. Я. Панафидин, 1888. – 494 с.
6. Георгиевский С. М. Граф И. Толстой и «Принципы жизни Китая». СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1889. – 69 с.
7. Георгиевский С.М. Важность изучения Китая. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1890. – 286 с.
8. Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский. СПб.: Военная тип., 1890. – 602 с.
9. Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. М.: Наука, 1970. – 416 с.
10. Самойлов Н. А. Место и роль работ С.М. Георгиевского в формировании образа Китая в России в 80-х годах XIX в. // Филология и история стран Азии и Африки. Тезисы научной конференции, посвященной 50-летию воссоздания Восточного факультета СПбГУ. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1994. с. 62–65.
11. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. – 505 с.
12. Суворов В. В. Проблема соотношения истории Китая с моделью Европейского развития в трудах С.М. Георгиевского. // Манускрипт. 2017(10–2). с. 155–157.
13. Хохлов А. Н. С.М. Георгиевский: к 100-летию со дня смерти выдающегося китаевода. // 25 научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 1994. с. 283–291.

References

1. Martin, W. A. P. The lore of Cathay, Edinburgh London: Oliphant, Anderson & Ferrier, 1901. – 472 p.
2. Berezanskaia L. V. Osobennosti razvitiia kitaiskoi tsivilizatsii v istoricheskoi kontseptsii S.M. Georgievskogo. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007(1), pp. 144–146.
3. Vasil'ev L. S. Korifei russkogo kитаеведения. // Istoriia i kul'tura Kitaia (Sbornik pamiati akademika V. P. Vasil'eva). M.: Nauka, 1974. pp.7–19.
4. Vasil'ev V. P. Okrytie Kitaia i dr. st. Akademika V. P. Vasil'eva. SPb.: zhurn. "Vestnik vsemirnoi istorii", 1900. – 164 p.
5. Georgievskii S. M. Printsipy zhizni Kitaia. SPb.: A. Ia. Panafidin, 1888. – 494 p.
6. Georgievskii S. M. Graf I. Tolstoi i «Printsipy zhizni Kitaia». SPb.: tip. I.N. Skorokhodova, 1889. – 69 p.
7. Georgievskii S.M. Vazhnost' izucheniia Kitaia. SPb.: Tip. I. N. Skorokhodova, 1890. – 286 p.
8. Dubrovin N. F. Nikolai Mikhailovich Przheval'skii. SPb.: Voennaia tip., 1890. – 602 p.
9. Nikiforov V. N. Sovetskie istoriki o problemakh Kitaia. M.: Nauka, 1970. – 416 p.
10. Samoilov N. A. Mesto i rol' rabot S.M. Georgievskogo v formirovanii obraza Kitaia v Rossii v 80-kh godakh KhIKh v. // Filologiya i istoriia stran Azii i Afriki. Tezisy nauchnoi

konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu
vossozdaniia Vostochnogo fakul'teta SPbGU.
SPb.: Izd. dom Sankt-Peterburgskogo gos. un-
ta, 1994. pp. 62–65.

11. Skachkov P. E. Ocherki istorii russkogo ki-
taevedeniia. M.: Nauka, 1977. – 505 p.
12. Suvorov V. V. Problema sootnosheniia istorii
Kitaia s model'iu Evropeiskogo razvitiia
v trudakh S.M. Georgievskogo. // Manus-
ript. 2017(10–2). pp. 155–157.
13. Khokhlov A. N. S.M. Georgievskii: k 100-letiiu
so dnia smerti vydaiushchegosia kitaeve-
da. // 25 nauchnaia konferentsiia
«Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae». M.:
Nauka, 1994. pp. 283–291.

Сведения об авторе

Ло Сюэсинь

Институт Северо-восточных азиатских
исследований Цилиньского университета
luoxuexin739@gmail.com

Information about the Author

Luo Xuexin

Institute of Northeast Asian Studies, Jilin Uni-
versity
luoxuexin739@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025